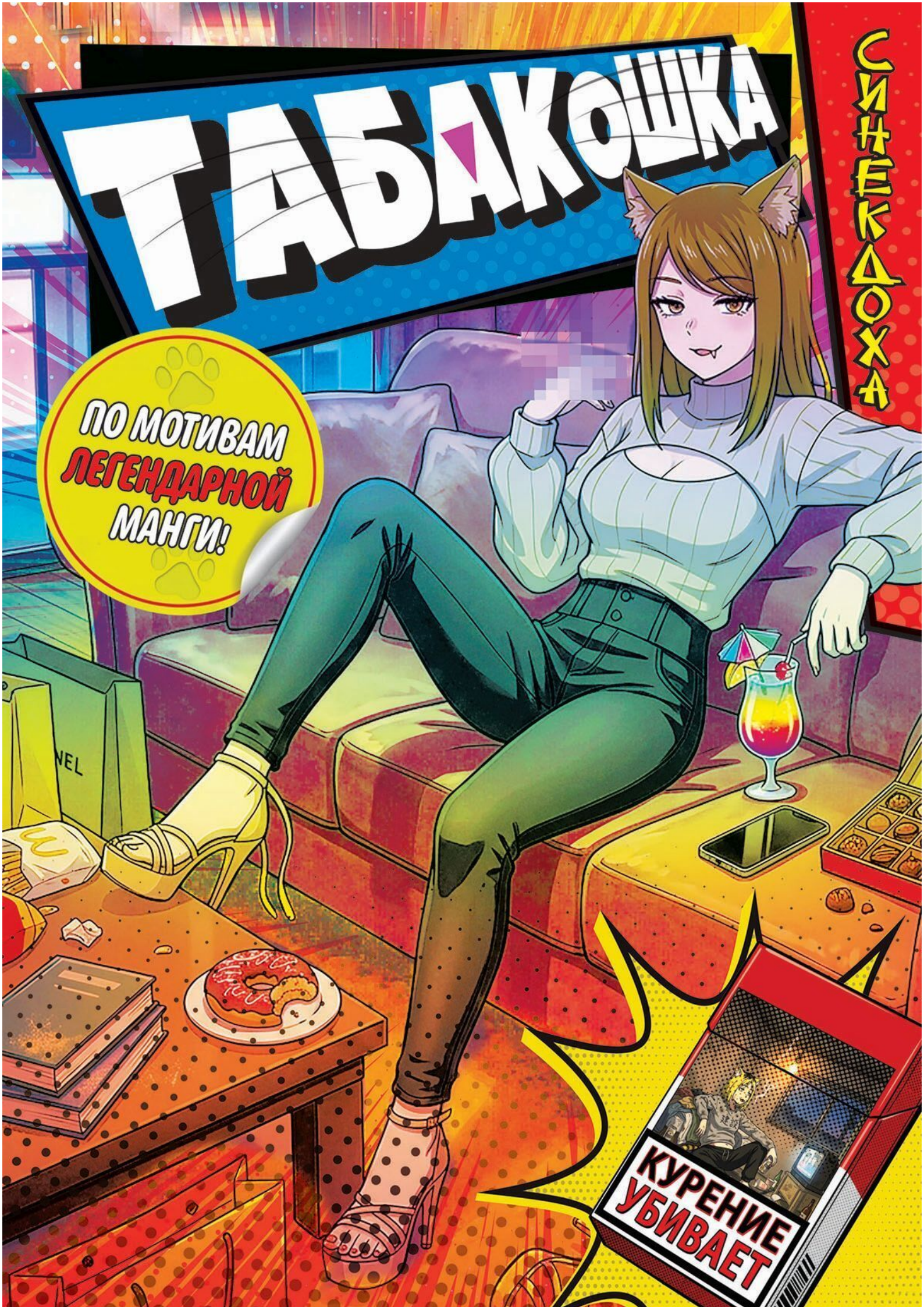

ТАБАКОШКА

СИЧЕКАДОХА

ПО МОТИВАМ
ЛЕГЕНДАРНОЙ
МАНГИ!

КУРЕНИЕ
УБИВАЕТ

Ветка сакуры

Синекдоха
Табакошка

«Алисторус»

2026

УДК 821.521.08
ББК 84(5Япо)4

Синекдоха

Табакошка / Синекдоха — «Алисторус», 2026 — (Ветка сакуры)

ISBN 978-5-00269-708-3

Что остается, когда ты родился с ушами и хвостом в стране, где это – клеймо? Можно притворяться, как Имоко, можно врать, как Каоруко, можно работать и держать нож наготове, как Якунеко. А можно просто лежать на полу, курить и ждать, пока жизнь пройдет мимо. Янико выбрала последнее. Но её история – не о смирении, а о том, как даже самый тусклый свет может пробиться сквозь щели старого данчи. Это роман о сигаретах, которые не спасают, о тараканах, которые не уходят, и о людях, которые остаются, несмотря ни на что.

УДК 821.521.08

ББК 84(5Япо)4

ISBN 978-5-00269-708-3

© Синекдоха, 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Синекдоха Табакошка *Роман*

* * *

© Синекдоха, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Глава 1

Утро в данчи «Солнечный берег»

Когда вентиляция не работает, а стены помнят газеты 1969 года, просыпаться приходится от запаха собственного дыхания. И от тараканов.

Янико открыла глаза, когда серый предрассветный свет уже пробивался сквозь щель между неплотно задёрнутой шторой и подоконником. В этой щели, как назло, торчал обрывок старой газеты, который кто-то когда-то засунул, чтобы заткнуть сквозняк, – и теперь он подсвечивался жёлто-оранжевым, словно реликвия. Заголовок, напечатанный крупным шрифтом, гласил: «Аполлон–11: человек ступил на Луну». Бумага была хрупкой, как сухой лист, и пахла плесенью и сигаретным дёгтем – теми самыми запахами, что пропитали весь дом насквозь.

Янико зевнула, продемонстрировав острые клыки, и потянулась. Серые кошачьи уши на макушке дрогнули, повернулись к окну, уловили шум проснувшегося города – где-то далеко гудел поезд, сирена полицейской машины надрывалась на главной улице, а внизу, во дворе данчи, уже орали дети, гоняя мяч по растрескавшемуся асфальту. Хвост, длинный и облезлый, с тёмными полосами, лениво мазнул по смятой простыне и замер.

Квартира номер 308 в корпусе Б данчи «Солнечный берег» – так когда-то называли этот монстр из серого бетона, построенный в 1969 году компанией, которую, как шептались старожилы, возглавлял человек с прозвищем «Бетонный Крот». Он умел экономить так, что стыки между панелями забивали не цементом, а газетами и пустыми пачками «Хопей», а вентиляционные шахты нарисовали на планах, но внутри залили бетоном, чтобы сдать объект на месяц раньше. Через пятьдесят лет дом осел на добрых полметра, и теперь каждый шов на стенах превратился в трещину, из которой то тут, то там торчали пожелтевшие уголки новостей из далёкого прошлого.

Янико села на кровати – старой, продавленной, с пружинами, которые вылезали из матраса и царапали бёдра через тонкую простыню. Она потянулась к тумбочке, где в пластиковой пепельнице, переполненной до краёв, среди серых столбиков пепла лежала пачка «Mild Seven» – наполовину пустая. Достала сигарету, сунула в рот, чиркнула зажигалкой. Пламя на секунду осветило комнату: на полу грудой валялась одежда – футболки, джинсы, один носок, ещё один носок, журналы с комиксами, пустые банки из-под кофе, пачки из-под лапши быстрого приготовления. У стены громоздились коробки, которые она так и не разобрала, переехав сюда два года назад, – они просто стояли, затянутые паутиной, став частью интерьера.

Первая затычка ударила в голову привычной волной тумана. Янико прикрыла глаза, и её хвост расслабился, повиснув с края кровати. В этом было что-то ритуальное – утро без сигареты не считалось утром. Она знала, что курит слишком много, что пачка уходит за день, а то и за полдня, если нервничает. Но нервничать в этом мире было слишком легко – особенно когда ты кошкодевочка и живёшь в районе Адати, где даже люди-люди с трудом выживают.

На потолке, прямо над головой, раздался шорох. Янико не подняла глаз – она знала, что там, в щели между плитой перекрытия и декоративной вентиляционной решёткой, живёт клан гигантских японских тараканов. Их она называла про себя «боссами» – чёрные, блестящие, размером с мизинец, они неспешно переползали по стенам в темноте, издавая сухой шелест хитиновых крыльев. Но были и другие, помельче, рыжие и шустрые, которых она, как и все местные жители, звала «таро» – с ударением на «та», будто это было ласковое имя. Таро плодились в трещинах пола, под раковиной, в щелях между плиткой в ванной. Иногда ночью, если оставить свет, можно было увидеть, как боссы охотятся на таро – медленно подкрадываются и хватают мелкого собрата своими мощными челюстями, чтобы сожрать прямо на глазах у неё, у

Янико. В такие моменты она чувствовала странное родство с этими тварями – они тоже жили в руинах, поедали друг друга и никуда не собирались уезжать.

Она докурила до фильтра, ткнула окурочку в пепельницу, где тот нашёл своё место среди десятков таких же. Затем встала, босая ступила на холодный линолеум, который местами вздулся пузырями, и прошаркала к «кухне» – углу комнаты, где стоял одноконфорочный электрический прибор, чайник и микроволновка, купленная за пять тысяч иен на распродаже. На полу, прямо у плиты, лежал номер газеты «Ёмиури Симбун» за 1969 год – она вытащила его накануне из трещины у входной двери, когда тараканы расшевелили бумагу. Янико машинально подняла его и прочитала заголовок на первой полосе: «Вьетнамская война: очередное перемирие сорвано».

Она хмыкнула и бросила газету обратно на пол. В 1969 году здесь тоже всё было плохо, но тогда хотя бы строили данчи. Теперь же даже данчи не строят – только башни для богатых, куда её, кошклюдку с серыми ушами, и на порог не пустят.

Янико налила воды в чайник, включила его. Пока вода закипала, она открыла холодильник – маленький, дребезжащий, внутри которого не было ничего, кроме двух банок пива, упаковки тофу с истёкшим сроком и пары яиц. Вдохнула, достала яйца и решила сварить их вкрутую – это был её стандартный завтрак, если она вообще завтракала.

Из угла, где стояли коробки, донёсся шорох – уже не тараканий, а более тяжёлый. Янико обернулась и увидела, как из-под нижней коробки вылезает здоровенный японский таракан, не спеша перебирая лапками. Он был почти такого же цвета, как её серая шерсть на ушах, и на мгновение ей показалось, что они встретились взглядами. Она швырнула в него тапкой, но тапок пролетел мимо, ударился о стену, и из трещины посыпалась труха – кусочки бумаги, пыль, и, кажется, даже старый окурочек. Таракан исчез в щели, и тишина восстановилась.

– Идиотка, – сказала она себе, не зная, имела ли она в виду таракана или себя.

Чайник закипел. Янико заваривала растворимый кофе в кружке, купленной в «Дон Кихоте» – на ней был изображён логотип пингвина и надпись «Самая счастливая девушка в мире». Она взяла кружку, присела на корточки у стены, прислонившись спиной к шершавому бетону, и сделала глоток. Горячий горький напиток обжёг язык, и она поморщилась, но не прекратила пить. Кофе был её вторым ритуалом, и шёл он всегда после сигареты, а иногда и вместе.

Из динамика телефона, который валялся на полу среди одежды, раздался дребезжащий звонок. Янико не сразу узнала мелодию – это был сигнал будильника, который она ставила вчера, потому что сегодня у неё была смена в конбине на углу. График у неё был плавающий, и она ненавидела любое утро, которое требовало от неё вставать до полудня. Она нащарила телефон, отключила будильник, и увидела время: 7:43. Смена начиналась в девять, но идти пятнадцать минут пешком, так что у неё ещё был почти час.

Она могла бы вздремнуть, но вместо этого закурила вторую сигарету.

Сидя на корточках, опершись спиной о стену, она курила и смотрела на комнату. Свет из окна падал на пол, освещая пыль, которая кружилась в воздухе, словно маленькие звёзды. Где-то в вентиляционной решётке снова зашуршали боссы – наверное, тащили добычу. Янико представила, как её жизнь выглядит со стороны: девушка двадцати четырёх лет, серая кошка, с ушами, которые слегка вздрагивают от каждого звука, с хвостом, который обметает пыль на полу. Она не учится, не ищет постоянную работу, не строит планов. Она просто существует, как эти тараканы, как эти газеты в стенах.

И это её устраивало.

Она докурила, затушила окурочку, встала, натянула на себя грязную футболку с принтом какой-то группы, которую она не слушала, джинсы с дыркой на колене, и сунула ноги в потрёпанные кеды. Кошелёк, ключи, пачка сигарет, зажигалка – всё это привычно переместилось в карманы. Она сунула в рот мятную жвачку, чтобы перебить табачный запах перед работой, и, бросив последний взгляд на свою берлогу, вышла в коридор.

Дверь захлопнулась за ней, и замок щёлкнул с лёгкой задержкой, как всегда. Янико пошла по коридору, ступая по линолеуму, местами порванному и выцветшему до серости. Стены были покрыты пятнами, а под потолком висела одинокая лампа, которая мигала с ритмом, несовместимым с человеческим. В конце коридора было окно, за которым виднелись такие же серые корпуса данчи, а между ними – густые заросли остролистного клёна, того самого, что посадили ещё в восьмидесятые, чтобы скрыть токсичные свалки под слоем земли. Деревья разрослись в настоящие джунгли, и теперь их ветви почти касались окон третьего этажа.

Янико спустилась по лестнице, на каждом пролёте останавливаясь, чтобы перевести дыхание – не от усталости, а от спёртого воздуха, который стоял в подъезде. Когда она вышла на улицу, утренний воздух показался ей почти сладким в сравнении с тем, что внутри. Она сделала глубокий вдох, чувствуя, как её уши поворачиваются к солнечным лучам, пробивающимся сквозь кроны.

На скамейке у входа сидел старик – сосед с первого этажа, который всегда в это время читал газету. Он поднял на неё глаза, поморщился и отвернулся. Янико не удивилась. Она была кошколюдкой, он был человеком, и это деление было чётче, чем разделение на богатых и бедных, на работников и безработных. В этом мире кошколюди были изгоями, и даже в таком прогнившем данчи, как этот, их терпели лишь потому, что квартиру некому было сдавать.

Янико сунула руки в карманы, поправила хвост, чтобы не мешал, и пошла в сторону конбины, вдоль дороги, по которой едва ползали старые «Тойоты» с мутными фарами. Впереди, за деревьями, виднелись трубы не то завода, не то мусоросжигательного завода – она никогда не узнала точно. Запах формальдегида был слабым, но постоянным, как фон, как шум города, которого не замечаешь, пока кто-то не укажет.

Она прошла мимо пустыря, заросшего бурьяном, где валялись разбитые телевизоры и ржавые велосипеды. Остановилась на мгновение, чтобы достать сигарету, но вспомнила, что уже почти выкурила половину пачки до работы, и решила придержать. Через пятнадцать минут она уже стояла перед стеклянной дверью конбины, вдыхая запах наггетсов и поджаренного кофе, и её уши опустились в знак покорности перед новым днём.

За прилавком её ждала смена – восемь часов стояния на ногах, улыбок и вранья. Но она умела это делать, не думая. Тело работало само, а мысли плыли где-то далеко, вместе с дымом, который она так любила.

Первый день её истории начинался именно так, как и все предыдущие: с сигареты, с кофе, с тихого отчаяния, которое она научилась не замечать.

Глава 2

Серебряные пуговицы и лимонад

В конбине пахло подогретым рисом, соевым соусом и дешёвым кофе, который стоял в термосе уже часов пять. Янико стояла за кассой, механически пробивая товары, и старалась не смотреть на часы. Её смена началась в девять, сейчас было почти одиннадцать, и за это время она обслужила всего человек пятнадцать – в этом районе никто не спешил тратить деньги до обеда.

Она уже хотела достать сигарету в подсобке, когда стеклянная дверь пискнула и внутрь ввалилась компания. Три девушки. Две из них были обычными людьми, а третья – Имоко.

Янико узнала сестру сразу, хотя та стояла спиной. Серые кошачьи уши, чуть длиннее и острее, чем у самой Янико, и пушистый хвост, который Имоко нарочито высоко держала – чтобы не волочился по полу, но и чтобы был замечен. На ней была форма, которую невозможно было не заметить: тёмно-синий пиджак с золотым кантом, белая блузка с жабо, плиссированная юбка чуть выше колена, и главное – блестящие серебряные пуговицы с гербом, который Янико видела на ученицах гимназии «Сэйрёкан» в Сибуе. Те самые пуговицы, которые мать заказывала у портного на окраине, потому что настоящие стоили как полгода аренды их данчи.

Имоко повернулась, и её взгляд встретился с взглядом старшей сестры. На одно мгновение в зелёных кошачьих глазах мелькнула тень – то ли узнавания, то ли тревоги, – но тут же исчезла, сменившись привычной улыбкой, которая делала её похожей на кошку, нашкодившую, но ещё не пойманную.

– Яни-тян! – пропела Имоко, подходя к кассе. – Какая встреча!

Она говорила громко, явно для подруг, которые остановились у стеллажа с закусками. Янико заметила, как одна из них – высокая, с короткой стрижкой – хихикнула и толкнула другую локтем, показывая на уши Имоко.

– Имоко-тян, у тебя сегодня ушки особенно пушистые, – сказала подруга с длинными чёрными волосами, которую Янико видела пару раз у данчи. – Наверное, слышишь, как у тебя в животе урчит от лимонада?

Имоко рассмеялась – звонко, наигранно, так, чтобы в этом смехе не было и тени обиды.

– Ой, да что вы! Это просто я рада видеть старшую сестру. Она у меня такая красавица, правда?

Она повернулась к Янико и подмигнула, но в этом жесте было что-то механическое. Янико знала эту улыбку – Имоко надевала её, когда хотела казаться милой и беззаботной. На самом деле она терпеть не могла, когда подруги шутили про её уши, но научилась не подавать вида. Это был её талант: притворяться, что всё в порядке, даже когда внутри всё кипело.

– Привет, Имоко, – сказала Янико ровно, без интонации. – Что будешь брать?

Она хотела добавить «как обычно», но сдержалась. Имоко бросила взгляд на стеллаж с напитками, где её подруги уже схватили по банке «Мельника» – дешёвого фруктового лимонада в ярких банках.

– Две банки этого, – Имоко махнула рукой в сторону лимонада. – И... – она понизила голос, – дай-ка мне ещё вон те сладкие палочки, в красной упаковке. Только не говори маме.

Янико взяла две банки «Эбису» и упаковку клубничных палочек с молочной начинкой, которые Имоко любила, но от которых у неё потом болел живот. Она пробила товар, назвала цену, и Имоко достала из маленького кошелька несколько купюр, стараясь не смотреть на сестру.

– Ты сегодня красивая, – сказала она, протягивая деньги. – Прямо как модель из журнала.

– Ага, – Янико взяла деньги, не глядя на сестру. – А ты как всегда в своей «Сэйрёкан». Надеюсь, ты не ходила в ней по Сибуе?

Имоко вздрогнула, но улыбка не сошла с лица.

– Я умная, сестрёнка. Знаю, где можно, а где нельзя.

Она взяла пакет с покупками и уже хотела отойти, но Янико остановила её.

– Имоко.

– М?

– У тебя на воротнике нитка болтается. Не стыдно.

Имоко дёрнула плечом, поправляя пиджак, и на мгновение в её глазах мелькнула настоящая злость, которую она тут же погасила.

– Спасибо, – сказала она сквозь зубы, и отошла к подругам, которые уже стояли у двери, попивая лимонад и рассматривая чей-то телефон.

Янико наблюдала, как они выходят. Имоко обернулась и помахала ей рукой – театрально, как актриса в финале сцены. Подруги засмеялись, что-то сказали, и Имоко снова рассмеялась, но Янико видела, как её хвост на секунду прижался к ногам – признак напряжения, который она не могла контролировать. Имоко умела врать лицом, голосом, ушами, даже улыбкой, но хвост выдавал её всегда.

Дверь закрылась, и в конбине снова стало тихо. Янико вздохнула и посмотрела на часы – до конца смены ещё шесть часов. Она достала из кармана сигарету и, не зажигая, поднесла к носу, вдыхая запах табака. Иногда она делала так, чтобы успокоиться.

– Маленькая лгунья, – прошептала она, глядя в окно, где фигура Имоко уже растворялась в утреннем тумане вместе с её серебряными пуговицами и дешёвым лимонадом.

Она знала, что Имоко ненавидит школу, ненавидит свои уши, ненавидит бедность, в которой они выросли. Но вместо того, чтобы смириться, как Янико, она решила играть в другую игру: притворяться, что она уже не из данчи, что она – ученица престижной гимназии, что её хвост и уши – это просто аксессуар, а не клеймо. Она собиралась поступить в частный университет третьего порядка, «почти настоящая студентка», как она говорила, и, возможно, найти там себе мужа, который не будет обращать внимания на её происхождение.

Янико не верила в это. Она знала, что мир не прощает тех, кто пытается быть кем-то другим, особенно если у тебя кошачьи уши. Но она не лезла в жизнь сестры. У каждой из них была своя дорога, и каждая знала, что в конце этой дороги их ждёт одно и то же – данчи, дешёвый лимонад и сигареты, которыми можно заткнуть все трещины в душе.

Она зажгла сигарету, вышла в подсобку и присела на корточки у вентиляционной решётки, из которой доносился знакомый шорох. Там, в темноте, снова кипела жизнь – тараканы, как всегда, были заняты своими делами. Янико выпустила дым в решётку и подумала, что они, по крайней мере, не притворяются. Они просто едят друг друга и размножаются, и в этом есть что-то честное.

Когда она вернулась за кассу, на прилавке лежала забытая кем-то газета. Она развернула её и увидела статью о новой реформе образования – там говорилось, что charterные школы, такие как «лесная» школа Имоко, получают ещё меньше финансирования, потому что они «неэффективны». Янико хмыкнула. Она знала, что владелец школы был связан с якудзой и уже лет десять воровал деньги на строительство «спортивного комплекса», которого никто не видел. Но чиновникам было плевать – они тоже получали свои проценты.

Она сложила газету и сунула её в ящик под кассой, где у неё уже лежала пачка старых газет для подстилки в лоток её несуществующего кота. В этом мире всё было связано: якудза, чиновники, школы, данчи, тараканы. И она, и её сестра были лишь крошечными винтиками в этой ржавой машине, которая называлась «японское общество».

Янико вздохнула, поправила уши и приготовилась к следующему клиенту. До конца смены оставалось пять часов пятьдесят семь минут.

Глава 3

Сёгун под одеялом

Вечер опустился на данчи «Солнечный берег» с привычной тягучей медлительностью. За окном квартиры номер 308 остролистные клёны шумели своей ядовитой листвой, и сквозь щель в занавеске пробивался оранжевый свет уличного фонаря, раскрашивая пыль, танцующую в воздухе, в цвет ржавчины. Янико сидела на полу, прислонившись спиной к кровати, и курила. Пепельница перед ней была уже полна, но она не замечала – её взгляд был устремлён в пустоту, туда, где стена отслаивалась кусками, обнажая пожелтевшую газету 1969 года.

Она думала о матери. Почему-то сегодня, после смены в конбине, после того как она в очередной раз простояла восемь часов за кассой, улыбаясь клиентам, которые не смотрели на неё, – после всего этого её накрыло. Не тоска, нет. Что-то другое, более тягучее и тёплое, как тот запах жареной картошки и сигаретного дыма, который витал в их старом доме в Тотиги, когда она была маленькой.

Отец всегда был добрым. Янико помнила его руки – мозолистые, с жёсткими ногтями, пахнущие машинным маслом и бумагой. Он работал в Toshiba, в отделе документации, и каждый день уходил в половине седьмого утра, надевая неизменный серый костюм, который мать называла «крысиной шкуркой». Он никогда не жаловался. Даже когда мать устраивала скандал из-за того, что он принёс недостаточно денег на её новый халат или на поездку в Токио за покупками или на Окинаву на море, он просто улыбался своей мягкой, чуть виноватой улыбкой и говорил: «Прости, Ацуко-тян, в следующем месяце, может быть, будет бонус».

Мать была кошкодевочкой с Кюсю, с острова, где, как говорил отец, «боги ходят среди людей, а духи живут в каждом камне». Её звали Ацуко, и она была той ещё женщиной. Серые уши, такие же, как у Янико, но с более тёмными кончиками, и длинный пушистый хвост, который она никогда не убирала, а, наоборот, демонстрировала, как дорогое украшение. В молодости она была стройной, почти худой – «скинни», как она сама себя называла, – но после рождения двух дочерей немного округлилась, и её тело стало мягким, рыхловатым, как тесто, которое не успели вымесить. Но это её не смущало. Она носила дорогие халаты с цветами, которые покупал отец, и часами лежала на диване, покуривая тонкие сигареты с золотым фильтром и попивая ликёры из маленькой рюмки, которую она прятала в шкафу за коробкой с печеньем.

Янико помнила, как мать учила их. «Девочки, запомните главное, – говорила она, лениво поведя хвостом и не отрывая взгляда от телевизора, где крутили какую-то драму. – Работа – это для дураков. Вы только посмотрите на вашего отца – он встаёт в полшестого, тащится в этот ужасный офис, сидит там целый день, а потом приносит домой гроши. А я, – она делала паузу, затягиваясь, – я умная женщина. Я живу за счёт других. И вы должны жить за счёт других. Это искусство, девочки. Настоящее искусство».

Имоко слушала с открытым ртом, впитывая каждое слово. Она была маленькой, но уже тогда в её зелёных кошачьих глазах загорался тот самый огонёк, который позже превратился в её талант притворяться милой. Янико же смотрела на мать и не понимала – она была слишком серьёзной, слишком угрюмой для таких уроков. Она предпочитала сидеть в углу и рисовать, или слушать, как отец по вечерам рассказывает о Кюсю.

Отец любил Кюсю так, как некоторые любят женщин. Он был этнографом по образованию, и его настоящей страстью были бакэнэко, кицунэ, тануки – все эти существа из японского фольклора, которые, как он верил, обитали в густых лесах и горах Кюсю. Он много ездил по острову в молодости, собирал легенды, записывал рассказы стариков, и даже совершил паломничество по 72 храмам Кюсю – чтобы обрести просветление и чтобы боги послали ему жену. Он рассказывал это с такой серьёзностью, что Янико всегда верила ему. «Я прошёл через все

эти храмы, – говорил он, поправляя очки, которые вечно сползали на нос, – я молился каждый день, и боги слышали меня. На обратном пути, в одном баре в Фукуоке, я встретил её. Твою мать».

В тот день отец сидел у стойки, заказал кружку пива и думал о том, как закончит свою диссертацию. И тут в его затылок прилетела бутылка. Пустая. С грохотом отскочила и упала на пол. Он вскочил, разозлённый, готовый закричать, но обернулся и увидел её. Мать, тогда ещё тонкая и гибкая, как ива, стояла в проходе, сжимая в руках вторую бутылку, и её уши были прижаты к голове, а на лице застыло выражение пьяного озорства. «Ой, прости, – сказала она с акцентом Кюсю, растягивая гласные, – я думала, это мой знакомый. А ты, смотрю, симпатичный». Отец, который никогда не умел злиться долго, не смог сдержать улыбки. Она была такой милой, такой нелепой, что его сердце пропустило удар. И он, интеллигентный человек с двумя дипломами, влюбился в неё с первого взгляда.

Они поженились через полгода. Мать, конечно, была беременна Янико, но это не имело значения. Отец считал, что это судьба. «Это боги послали мне её, – говорил он, когда Янико подросла и начала задавать вопросы. – Она – мой подарок, моя награда за все те храмы, за все те молитвы».

Янико помнила, как мать слушала эти слова, лёжа на диване, и только лениво улыбалась, прикрывая глаза. Она не любила рассказывать о себе. Янико не знала, где родилась её мать, кто были её родители, была ли она когда-нибудь бедной или всегда жила так, как сейчас. Единственное, что она говорила, когда дочери приставали с расспросами: «Я – кошкоженщина с Кюсю, и это всё, что вам нужно знать. Мы, кошки, не любим рассказывать о себе. Мы просто... существуем». И она томно затягивалась сигаретой, и дым кольцами поднимался к потолку.

Отец же не мог остановиться. Он приносил домой книги по фольклору, читал вслух про цукимоно-судзи – людей, которые по наследству передают целые рои духов-фамильяров. «Это уникальное явление, – объяснял он, размахивая книгой, пока мать закатывала глаза. – В Кюсю до сих пор живы семьи, которые заключают договоры с духами. Я нашёл упоминания о бак-энэко-цуки, о кошачьих духах!» Он смотрел на жену с надеждой, будто искал подтверждения.

Янико иногда думала, что отец так и не изменился. Он постарел, но не снаружи. Его лицо оставалось молодым, только очки стали толще, а на висках появилась седина. Он всё так же ходил в офис, всё так же приносил домой зарплату, всё так же терпел капризы матери. И всё так же верил в богов, в духов, в то, что его жена – подарок судьбы.

Мать же процветала. Она смотрела телевизор, курила, пила, ела сладкое и иногда, когда была в хорошем настроении, выходила на прогулку в красивом халате. Она толстела медленно, но верно, превращаясь из «скинни» в «скинни-фэт» – так она сама это называла, с гордостью поглаживая мягкий животик. «Это мои резервы, – говорила она. – Я живу за счёт других, но я забочусь о себе». Она никогда не работала. Ни дня. Она считала, что это ниже её достоинства. «Я кошколюдка, девочки, – говорила она, – мы, кошки, не работаем. Мы позволяем людям заботиться о нас. Это естественный порядок».

Имоко впитывала это как губка. К средней школе она уже умела притворяться так, что никто не замечал, как она ленива. Она улыбалась, щебетала, её уши мило подрагивали, когда она просила родителей купить ей дорогую вещь. И родители – особенно отец, который не мог отказать своей младшей дочери, – покупали. Мать только одобрительно кивала и говорила: «Вот умница, Имоко-тян. Ты умеешь брать своё. А ты, Янико, – она поворачивалась к старшей дочери, – ты слишком серьёзная. Ты как твой отец. Всё работаешь, всё стараешься. Дура».

Янико тогда не понимала, что мать просто не хотела, чтобы она страдала. Или, может быть, хотела. Она не знала. Но она помнила, как однажды, после того как мать в очередной раз назвала её «дурой», она спросила отца: «Папа, а почему мама так говорит?» Отец вздохнул и погладил её по голове. «Она просто хочет, чтобы вы были счастливы, Янико. Только она думает, что счастье – это когда о тебе заботятся, а не когда ты заботаешься о других. Но это не

всегда так». И он посмотрел на неё с такой любовью, что Янико почувствовала себя виноватой за то, что сомневалась в нём.

Теперь, спустя годы, она сидела на полу в своей убогой квартире, в доме, который разваливался на части, и курила сигарету, думая о том, что мать была права. Она, Янико, действительно была дурой. Она работала за копейки, жила в трущобах, курила, как паровоз, и не имела ни мужа, ни денег, ни будущего. Она не научилась жить за счёт других, как мать. Она не научилась притворяться, как Имоко. Она просто существовала, как эти тараканы в стенах, как эти газеты из 1969 года, которые никто никогда не прочитает.

Она докурила сигарету, затушила её о гору окурков в пепельнице и посмотрела на потолок. Там, в вентиляционной решётке, снова зашуршали боссы – гигантские японские тараканы, занятые своей вечной борьбой за существование. Янико усмехнулась. Они хотя бы не сомневались в своём месте в мире. Они были тараканами, и они ели друг друга. В этом была какая-то чистота.

Она подумала об отце. Он, наверное, сейчас сидит дома в Тотиги, смотрит телевизор, пьёт зелёный чай и слушает, как мать кричит ему из спальни: «Сато-кун, принеси мне мои сигареты!» И он встаёт, идёт в кухню, ищет сигареты, потому что он всегда ищет, всегда слушает, всегда верит, что его жена – подарок богов. Он никогда не перестанет в это верить. И в этом была его трагедия и его величие.

Янико взяла новую сигарету, но не зажгла. Она просто подержала её в пальцах, вглядываясь в белую бумагу, и подумала: «Я – это ты, мама. Я такая же ленивая, такая же бестолковая. Только у меня нет мужа, который бы меня кормил. Поэтому я работаю в конбине и живу в этой грязи». Она усмехнулась и всё-таки зажгла сигарету, выпустив дым в потолок. За окном шумели клёны, в стенах шуршали тараканы, и где-то далеко, за тридцать километров, в доме с цветами на обоях, её мать лежала на диване и учила Имоко, как жить за счёт других. А отец, добрый и глупый, приносил им чай.

Янико знала, что никогда не станет такой, как мать. Она не умела быть красивой и ленивой. Она была просто ленивой, без красоты, без хитрости. Она была кошклюдкой, которая забыла, как мурлыкать, и теперь только шипела на весь мир. Но иногда, в редкие мгновения, когда она вспоминала отца, ей казалось, что она всё-таки унаследовала что-то от него – ту глупую веру в то, что если делать добро, если работать, если не жаловаться, то однажды... Однажды что? Она не знала. И это было хуже всего.

Она отбросила сигарету в сторону, не в пепельницу, а просто на пол, и закрыла глаза. Там, в темноте, перед её взором возникла картина: отец сидит в баре в Фукуоке, бутылка летит в его затылок, он оборачивается, и видит мать. Она улыбается. Он улыбается в ответ. И весь мир для него останавливается.

«Ты был дураком, папа», – прошептала Янико. – «Но, наверное, это была самая счастливая глупость, которую можно себе представить».

Она открыла глаза и посмотрела на серый бетонный потолок. Там, в темноте, снова кто-то шуршал. Но она не стала вставать, чтобы прогнать таракана. Она просто лежала и слушала, как дом дышит своей старой, гнилой жизнью. И её уши, серые и пушистые, дрогнули, улавливая звуки этого дыхания. Она была здесь, в этом мире, и никуда не собиралась уходить. Как и тараканы. Как и мать. Как и отец, который истово верил в силу богов.

Глава 4

Болото

В районе, где выросла Янико, кошколюди жили так плотно, что их хвосты касались друг друга, когда они проходили мимо в узких переулках. Это был не квартал, а скорее лабиринт, выстроенный из серого бетона и времени. Данчи «Солнечный берег» не был исключением – он стоял на самой окраине Адати, там, где город постепенно превращался в промзону, а промзона – в заросли кипарисов и заброшенные фабрики. Но даже здесь, среди этой всеобщей убогости, кошколюди умудрялись создавать свой мир – шумный, яркий, полный азарта и бесполезных надежд.

Янико помнила это с детства. Их квартира на втором этаже была всегда открыта, и соседи заходили без стука, как к себе домой. Тётя Мицуко с третьего этажа, толстая кошколюдка с рыжими ушами, вечно носила с собой колоду карт и могла в любой момент предложить партию в ойчо-кабу – игру, в которой нужно было набрать девятку, а проигравший платил выпивкой или сигаретами. Дядя Кэнта с первого этажа, старый чёрный кот с седыми усами и шрамом на ухе, работал когда-то жестянщиком, но теперь только играл в патинко и рассказывал байки о том, как он в молодости «чуть не выиграл джекпот», но «эта проклятая машина сжульничала».

Мать вписывалась в эту среду идеально. Она лежала на диване, курила свои тонкие сигареты и перебирала лотерейные билеты, которые покупала каждую неделю. «Вот увидите, девочки, – говорила она, приподнимая один билет к свету, будто он был свитком с тайным знанием. – Однажды я сорву джекпот, и мы уедем отсюда. Купим дом на Кюсю, с садом, и будем жить, как королевы. Никакой работы, никаких проблем. Только счастье». Она улыбалась, и в её глазах загорался тот же огонёк, что у тёти Мицуко, когда та сдавала карты.

Отец слушал эти речи молча. Он сидел в углу за маленьким столиком, разбирал свои этнографические записи, которые так и не превратились в диссертацию, и лишь изредка поднимал голову, чтобы поправить очки. «Ацуко-тян, – мягко говорил он, – лотерея – это не инвестиция. Это налог на бедность. Гораздо надёжнее положить деньги в банк». Мать фыркала и закатывала глаза. «Сато-кун, ты такой скучный. Где в твоём банке столько счастья, сколько в моём билете?» И отец замолкал, потому что он никогда не умел спорить с ней, а его доводы о финансовой грамотности разбивались о её веру в чудо, как волны о бетонный мол.

Янико не знала, когда она впервые поняла, что мир за пределами их квартала – другой. Это было в начальной школе, когда учительница, молодая женщина с усталыми глазами, спросила детей, кем они хотят стать, когда вырастут. Одноклассники из обычных семей говорили о врачах, инженерах, учителях. Кошколюди – а их в классе было почти половина, потому что школа находилась в их районе, – отвечали иначе. Мальчики мечтали стать «крутыми», то есть либо якудза, либо «бизнесменами», что значило примерно то же самое. Девочки хотели выйти замуж за богатого или «стать звездой». А одна маленькая кошколюдка, с серыми ушами и хвостом, который она нервно обвивала вокруг ноги, сказала: «Я хочу выиграть в лотерею». Все засмеялись, а учительница только вздохнула и сказала: «Минами-тян, нужно ставить реальные цели». Но Минами-тян тогда было всего восемь, и она не понимала, что это неправильно.

Янико запомнила этот случай, потому что тогда впервые поняла: они все думали одинаково. Они все верили в чудо. Потому что без чуда выжить было невозможно. Работа, которую им предлагали, была либо унижительной, либо опасной, либо и тем, и другим сразу. Её собственная мать, которая не работала ни дня, была ещё в лучшем положении, чем многие соседи. Тётя Мицуко с рыжими ушами работала мойщицей в общественном сортире до 1970 года, пока его не закрыли, и с тех пор перебивалась случайными заработками. Дядя Кэнта когда-то был жестянщиком, но его мастерская сгорела в 1985-м, и страховка не покрыла убытки, потому что

«несчастный случай произошёл по вине самого работника» – так решила компания. Он так и не восстановился, и теперь его пенсия уходила на патинко.

Янико слышала эти истории от самого детства. Она сидела на полу, слушая разговоры взрослых, и впитывала их как губка. Тётя Мицуко рассказывала, как в эпоху Тайсё её бабушка, тоже кошколюдка, работала актрисой в бродячем театре, потому что это было единственное, чем им разрешали заниматься. «Мы всегда были артистами, – говорила она, тасуя карты с ловкостью фокусника. – Или мойщиками. Или жестянщиками. Всё остальное – запрещено. И даже если ты был талантлив, как моя бабка, наверх не пробиться. Ты всегда остаёшься в своём кругу. Это как клетка. Только невидимая». Она усмехалась, показывая острые клыки, и раздавала карты.

Дядя Кэнта поддакивал, потирая шрам на ухе. «А я помню, как в шестьдесят восьмом меня не пустили в Гинзу. Стою на углу, хвост поджал, а полицейский говорит: „Эй, у тебя уши торчат. Иди в свой район“. И я пошёл. Что мне оставалось? Тогда было такое правило – кошколюдям нельзя появляться в центре. Только с 74-го разрешили. Но даже сейчас, если мы зайдём куда не надо, сразу видно: нас не ждут». Он сплёвывал сквозь зубы и тянулся за картой.

Янико тогда не понимала, почему взрослые говорят об этом так спокойно. Она злилась. Ей казалось, что они смирились с этой несправедливостью, что они слишком слабы, чтобы бороться. Но позже, когда она сама попыталась устроиться на нормальную работу, она поняла: они не смирились, они просто знали, что это бесполезно. Никто не берёт кошколюдку в офис. Никто не даёт ей шанса. Ты можешь быть умной, талантливой, трудолюбивой – это не имеет значения. Твои уши и хвост всегда будут напоминать людям о том, что ты не такая, как они. И они будут смотреть на тебя с подозрением, или с жалостью, или с отвращением – и ты будешь чувствовать это каждый день, каждую минуту.

Имоко научилась притворяться. Она носила форму гимназии, прятала хвост под юбкой – он был достаточно длинным и пушистым, чтобы его можно было незаметно обвить вокруг бедра, а уши – под париком или капюшоном, который она носила даже в жару. Она умела улыбаться так, что люди забывали, что она кошкодевочка. Она была милой, она была ловкой, она была той, кто «живёт за счёт других» – как учила мать. И она презирала свою старшую сестру за то, что та не умела играть эту игру.

Янико видела это презрение. Она чувствовала его каждый раз, когда Имоко приходила к ней в конбини в своей фальшивой форме, с фальшивой улыбкой, и говорила: «Яни-тян, какая ты красивая», имея в виду: «Какая же ты жалкая». И она не могла злиться на неё, потому что Имоко была права. Она, Янико, действительно была жалкой. Она работала за копейки, жила в разваливающемся данчи и курила, как паровоз, в то время как её младшая сестра строила планы на жизнь в золотой клетке.

Но Янико понимала, что Имоко тоже жалка. Просто по-другому. Имоко верила, что сможет обмануть систему, что её милота и хитрость откроют ей двери, которые для других кошколюдей закрыты навсегда. Она думала, что, если она будет достаточно хорошо притворяться, она станет «нормальной». Но это была ложь. Имоко никогда не станет нормальной. Она всегда будет той, кто скрывает уши под париком, кто боится, что её увидят в настоящей гимназии, кто живёт в страхе, что её разоблачат. И однажды этот страх съест её изнутри, и она рухнет, как картонный домик.

Янико знала это, потому что она видела таких людей. В их квартале было полно бывших «звёзд» и «удачников», которые пытались вырваться и потерпели крах. Дядя Кэнта был одним из них – он когда-то работал водителем у одного бизнесмена, который использовал его для тёмных дел, а потом бросил, когда он попался полиции. Он вернулся в квартал с пустыми карманами и разбитой жизнью. Или тётя Мицуко – она уезжала в Токио в 1970-х, пыталась стать актрисой, но вернулась ни с чем, только с привычкой играть в карты и пить дешёвое сакэ.

Мать рассказывала им эти истории как поучительные примеры: смотрите, как глупо пытаться стать кем-то другим. Лучше оставайтесь в своей среде, учитесь жить за счёт других, не напрягайтесь. «Вот дядя Кэнта, – говорила она, покачивая хвостом, – он думал, что будет большим начальником, а теперь играет в патинко и ищет окурки на улице. А тётя Мицуко – она же красивая была, могла бы удачно выйти замуж, но поехала в этот дурацкий Токио, и что теперь? Ни мужа, ни денег. Только карты и слёзы».

Янико слушала и чувствовала, как внутри неё разрастается тоска. Она не хотела стать такой, как мать, но и не хотела стать такой, как дядя Кэнта или тётя Мицуко. Она не знала, чего она хочет. Единственное, что она знала, – это то, что она не хочет ничего. Она хочет просто сидеть и смотреть в стену, курить и не думать о завтрашнем дне. И в этом она была похожа на мать больше, чем хотела бы признать.

Она росла в этом болоте, и болото засасывало её медленно, но верно. В школе она училась кое-как, потому что не видела смысла. Зачем стараться, если всё равно не возьмут на хорошую работу? Её одноклассники-кошколюди думали так же. Они прогуливали уроки, курили за школой, играли в карты на переменах. Учителя махнули на них рукой. «Этим всё равно не поможешь», – говорили они в учительской. И они были правы. Не поможешь.

Имоко, в отличие от Янико, училась хорошо. Она была умной и сообразительной, и она понимала, что чтобы «жить за счёт других», нужно иметь хотя бы диплом или навыки. Она впитывала уроки матери, но применяла их по-своему. Она не надеялась на лотерею или на случайное богатство – она строила планы. Она выберет богатого мужа, но не какого-нибудь якудза из их района, а настоящего бизнесмена, который не будет спрашивать про её уши. Для этого ей нужно выглядеть как «нормальная». И она старалась. Она носила парик, прятала хвост, ходила на дополнительные занятия. Она была идеальной ученицей, идеальной дочерью, идеальной притворщицей.

Янико смотрела на сестру и чувствовала смесь зависти и отвращения. Ей хотелось крикнуть ей: «Ты такая же, как мы! Ты никогда не станешь другой! Посмотри на себя – ты скрываешь своё настоящее лицо, ты боишься, что тебя увидят! Ты ничем не лучше нас!» Но она молчала. Она знала, что Имоко её не услышит. Имоко была слишком занята своей игрой, чтобы заметить, что играет в неё одна.

И так они жили – мать, ленивая и капризная, отец, добрый и слепой, Имоко, ловкая и фальшивая, и Янико, угрюмая и потерянная. Они были семьёй кошколоудей из Адати, и их жизнь была такой же серой и безнадежной, как бетонные стены их дома. Единственное, что их отличало, – это то, как они пытались выжить. Мать – через паразитизм. Имоко – через притворство. Отец – через работу и любовь. А Янико – через ничегонеделание и сигареты.

Прошли годы. Янико окончила школу, но не пошла в университет – зачем, если всё равно никто не возьмёт? Она устроилась в конбине на окраине, где её уши и хвост никого не удивляли. Она сняла эту убогую квартиру в данчи, потому что другого выбора не было – арендодатели-люди не сдавали кошколоудям жильё в нормальных районах, а здесь, в Адате, все было по-своему. Она начала курить, как мать, пить дешёвое сакэ, как тётя Мицуко, и смотреть в стену, как делали все кошколоуды, которые потеряли надежду.

Иногда, когда она сидела одна в своей комнате, к ней приходили воспоминания. Она вспоминала, как мать лежала на диване и говорила: «Работа – это для дураков». Она вспоминала, как тётя Мицуко раскладывала карты и гадала на будущее, которое никогда не наступало. Она вспоминала, как дядя Кэнта рассказывал о своих проигрышах в патинко, как будто это были героические подвиги. И она вспоминала отца, который сидел в углу с книгой, и его глаза, полные любви и печали.

Отец пытался вытащить их из болота. Он учил Янико читать, он рассказывал ей о Кюсю, о духах, о том, что мир полон чудес, которые можно найти только через знания и труд. «Ты можешь быть кем угодно, Янико, – говорил он, глядя её по голове. – Ты – кошколоудка, но

это не проклятие. Это просто особенность. Главное – верить в себя». Но она не верила. Она видела, как мир обращается с ними, она видела, как её мать и соседи живут, и она не могла поверить, что всё может быть иначе.

Янико продолжала курить, пить и смотреть в стену. Иногда она думала о том, чтобы что-то изменить, но у неё не было сил. Её засосало. Болото держало её крепко, как трясина, и чем больше она пыталась вырваться, тем глубже увязала.

Однажды, после очередной смены в конбине, она сидела на полу и курила, глядя на трещины в стене. В одной из них был зажат обрывок газеты, и она машинально вытащила его. На пожелтевшей бумаге был напечатан заголовок: «Эпоха Сёва: апартеид для кошколоудей отменён в Токио». Дата – 1974 год. Янико усмехнулась, развернула газету и увидела фотографию кошколоудей, которые выходят на улицы Гинзы впервые за десятилетия. Они были одеты в потрёпанную одежду, их хвосты были поджаты, а лица выражали смесь страха и надежды. Одна женщина, молодая и красивая, стояла в центре кадра, и её уши были гордо подняты, как знамя. «Это был прорыв, – говорилось в подписи. – Но борьба продолжается».

Янико долго смотрела на эту фотографию. Она не знала, что случилось с той женщиной. Может быть, она вышла замуж за богатого человека. Может быть, она стала актрисой. Или, может быть, она тоже оказалась в болоте, как и все остальные. Янико не знала, да и не хотела знать. Она просто закурила новую сигарету, выпустила дым в потолок и закрыла глаза.

– Борьба продолжается, – прошептала она. – Только у нас уже нет сил.

Она отбросила газету в сторону и легла на пол, слушая, как шуршат тараканы в стенах. Где-то вдалеке кричали пьяные соседи, хлопала дверь, и кто-то смеялся – нервно, надрывно, как всегда смеются кошколоуды, когда теряют надежду. Янико лежала и думала о том, что, возможно, она никогда не была свободной. И никогда не будет. Она была кошколоудкой из Адати, и это определяло её жизнь, как болото определяет судьбу того, кто в него попал.

Она заснула на полу, рядом с окурками и пустыми банками, и ей приснился сон. Она стояла на улицах Гинзы 1974 года, среди толпы кошколоудей, которые впервые ступили на запретную землю. Рядом с ней была та молодая женщина с фотографии, с гордо поднятыми ушами. Она улыбалась Янико и протягивала ей руку. «Идём, – говорила она. – Мы победили». Янико хотела взять её за руку, но не могла пошевелиться. Её ноги вросли в асфальт, и она смотрела, как женщина уходит вдаль, растворяясь в толпе. А Янико осталась стоять на месте, одна, среди пустых улиц и закрытых магазинов.

Она проснулась с мокрыми щеками. На улице уже светало, и в вентиляционной решётке снова шуршали тараканы. Янико села, протёрла глаза и взяла сигарету. Она зажгла её, вдохнула и выпустила дым, глядя в серое утро. Болото никуда не делось. Оно было здесь, вокруг неё, внутри неё. Но она знала, что у неё есть только один выбор – продолжать дышать. И она дышала. Дымом, пылью, запахом формальдегида из леса за окном. Она дышала, как дышали все кошколоуды до неё. И это было всё, что у неё осталось.

Глава 5

Лесная школа

Переезд в более благополучный район стал для семьи Сато событием, которое отец помнил как триумф, а мать – как очередную свою прихоть, удовлетворённую мужем. Новый дом находился в пригороде Тотиги, там, где воздух был чуть чище, а соседи – почти все обычные люди. Домик был маленьким, с крошечным садиком, но он стоял в районе, где не было вечных сирен и пьяных драк по ночам.

Отец сиял. Он работал сверхурочно, брал дополнительные проекты, а когда его повысили до старшего клерка, он решился на ипотеку. Он считал, что это изменит всё: новые перспективы, лучшие школы для дочерей, свежий воздух. Мать же восприняла это как должное.

– Ну наконец-то, – сказала она, входя в пустую гостиную. – Здесь хотя бы не пахнет твоими бумагами из всех щелей. И потом, разве я не заслужила нормальную жизнь, а, Сатокун? – она игриво стукнула его хвостом, и он засмеялся.

Янико и Имоко стояли в коридоре, держа по картонной коробке, и смотрели на свои новые комнаты. Имоко сразу же убежала выбирать себе самую лучшую, с окном на южную сторону, оставив Янико комнату поменьше, с видом на стену соседнего дома. Янико не возражала. Она не привыкла к лучшему.

Учёба в новой школе не задалась с самого начала. Отец был уверен, что добрый разговор с директором решит всё.

– Они – хорошие девочки, – говорил он, поправляя галстук перед зеркалом в прихожей. Он готовился к встрече с директором, человеком с безупречной репутацией, как будто шёл на важнейшее собеседование в жизни. – Мы работаем, платим налоги. Мы – нормальная семья.

Но когда он вернулся, лицо его было бледным и осунувшимся.

– Он сказал, что есть проблемы с документами, – отрывисто бросил он.

– Враньё, – мать даже не повернулась к нему. Она лежала на диване с журналом в руках. – Это всегда враньё. Нас просто не хотят видеть. Мы для них – грязь под ногтями.

Янико смотрела на отца. Она видела, как в его глазах угасает надежда, как он сжимает кулаки, но не может найти слов для возражения. Спустя неделю он признался:

– Он требовал взятку. Сумму, которой нам не собрать. Сказал, что это «благотворительный взнос на ремонт». Но это было не про ремонт. Это был входной билет.

Мать не была удивлена. Она только вяло улыбнулась, будто кто-то подтвердил теорию, которую она знала всю жизнь.

– Ты удивлён, что эта страна держится на подкупах? Не удивляйся. Они нас не хотят. Ты сам виноват. Надо было идти сразу к директору, а не прятаться за спинами чиновников.

Так они оказались в «лесной школе» – официально это называлось «Окружная муниципальная школа с углублённым изучением ремесленных дисциплин», но все знали её как «лесную». Потому что туда отправляли всех, на кого махнули рукой: кошколюдей, детей из неблагополучных семей, неуспевающих, тех, кто не мог или не хотел платить. Лесная школа стояла на выезде из города, окружённая серыми бетонными коробками и высокими деревьями, которые, казалось, вырастали прямо из трещин в асфальте.

В первый день Янико вошла в класс и увидела пятьдесят пар глаз. Учеников было слишком много, парты стояли почти вплотную друг к другу, а воздух в классе был густым и спёртым. Учитель, пожилой мужчина с потухшим взглядом и засаленным галстуком, даже не стал знакомиться с новыми учениками. Он просто проверил список, ткнул пальцем в сторону свободной парты и сказал:

– Садись. И не отвлекай.

Она села. Рядом с ней сидел парень с рыжими ушами и рванными джинсами. Он жевал резинку и рассматривал её с ленивым любопытством, как изучают новую карточку, которую не жалко выбросить. Пахло от него дешёвым шампунем и сигаретами.

– Новенькая, – сказал он, не глядя на неё, а скорее утверждая это факт. – У тебя есть зажигалка?

– Нет, – ответила Янико, хотя зажигалка у неё была. Она носила её «на всякий случай».

– Тогда не моя проблема, – парень отвернулся к соседу, и разговор с ней был закончен.

На переменах коридоры заполняла толпа. Ученики не торопились на уроки. Кто-то курил в туалетах, кто-то сидел на подоконниках и громко смеялся, обсуждая вечеринки, карты и «крутые тачки». В углах двора уже собирались компании, которые что-то передавали друг другу из рук в руки. Янико видела это и понимала: здесь никто не думал об учёбе. Здесь царил другой набор ценностей.

Ей было тринадцать. Ещё недавно она могла учиться хорошо – она была умной, схватывала на лету, и её отметки в предыдущей школе не были позорными. Но здесь, в лесу, это никому не было нужно.

– Ты чего такая серьёзная? – спросил её тот же рыжий парень, когда она стояла у окна в коридоре и смотрела на двор. Его звали Кэнта, и он уже успел проявить себя как местный «авторитет» среди мальчиков.

– Ничего, – ответила она.

– Знаешь, у нас тут не принято быть заучкой. Если будешь слишком умничать, начнут дразнить. А если дразнят – можно нарваться. Если нарваться – отлупить. Поняла?

– Поняла, – сказала она, хотя на самом деле не поняла. Она не знала, зачем он ей это говорил. Может быть, потому что она была новенькой. Или потому что у него была идея.

– Хочешь попробовать? – он протянул ей сигарету.

Это был первый раз, когда она сознательно взяла сигарету в руки. До этого она только видела, как курят мать и соседи. Иногда она нюхала их табачный дым и чувствовала странное успокоение. Но сейчас она взяла сигарету, потому что Кэнта смотрел на неё с лёгкой улыбкой и ждал.

– Не бойся, – сказал он. – Это же просто.

Она чиркнула зажигалкой. Руки дрожали. Дым ударил в горло, и она закашлялась, но не выдавила смешок. Он улыбнулся шире.

– Молодец. Будешь с нами.

С этого дня она стала своей. Они собирались за школой, курили, обсуждали, кто на ком женится, кто кому должен, сколько можно заработать на картах и в «Пачинко». Она слушала

их мечты и понимала, что они почти никогда не говорили о реальной работе. Они говорили о лёгких деньгах, о славе, о том, чтобы «выбиться».

– Только дураки работают, – сказала как-то девочка по имени Мина, с чёрными ушами и яркой розовой прядью в волосах. – Мы – кошки. Мы умные. Нам не нужно пахать. Можно выйти замуж, можно найти спонсора, можно сорвать джекпот. Я видела человека, который выиграл пять миллионов на слотах. Пять! У него теперь квартира в Токио.

– А мне нужна тачка, – говорил Кэнта. – Чёрная «Субару», с тонировкой. Сяду и буду кататься. Никакой работы. Просто кататься и слушать музыку.

Янико слушала и чувствовала, как внутри неё что-то ломается. Ей казалось, что если она будет сильной, если она будет такой же «крутой», как они, то сможет пробиться. Но в то же время она понимала, что их мечты – это ложь. Они не сбудутся. Она знала, что джекпоты редко срываются. Она знала, что якудза – это не герои, а те, кто забирает последнее. Но в этой среде правда не была нужна. Правда была унылой. А ложь была красивой и лёгкой.

Мать одобряла её новые привычки.

– Молодец, – сказала она, когда увидела, что Янико пришла домой с запахом табака и бросила пачку сигарет на тумбочку. – Ты уже взрослая. Можешь курить. Только не выдыхай дым в мою сторону, у меня от этого голова болит.

Она не была против фастфуда и сладостей. На кухне всегда лежали упаковки чипсов, печенья, шоколадных батончиков, а в холодильнике – газировка, йогурты с искусственными добавками, наггетсы, которые нужно было только разогреть в микроволновке. Мать не готовила. Зачем? Вокруг был мир, который предлагал готовую еду – вкусную, яркую, дешёвую. В этой еде были те же красители и жиры, что и во всей их жизни.

Янико не знала вкуса настоящего супа. Она не умела чистить овощи. Её тело быстро набрало мягкий жирок, но она не стеснялась – все в их школе выглядели так же. Они были «мягкими», «рыхлыми», но это было частью их мира, их языка. Кто-то говорил, что это «покошачьи» – мягкие животики, сладкие пристрастия, вечное желание лежать и ничего не делать.

– Это наш стиль, – говорила Мина. – Мы не будем как люди. Мы будем кошками. Кошки едят вкусное и спят. Зачем нам их диеты?

Янико не спорила. Ей было удобно. Она любила сладкое, она любила сигареты, она любила чувство, когда можно лечь на кровать и не думать о завтрашнем дне. Её оценки падали с каждой неделей. Сначала она пыталась делать домашние задания, но потом перестала – никто их не проверял. Учителя махнули рукой. Им платили мало, детей было много, и они просто проводили время на уроках, пережидая звонки.

В классе было пятьдесят человек. Пятьдесят кошкочлюдей и людей из неблагополучных семей, сгрудившихся в одной комнате. Учителя не могли уследить за всеми, и те, кто хотел учиться, просто сидели в тишине и слушали, как их одноклассники перешёптываются, играют в телефоны или договариваются о вечеринках. А те, кто не хотел учиться, просто не делали ничего.

Янико перестала видеть смысл в учёбе. Зачем ей знать алгебру, если её не возьмут в университет из-за ушей и происхождения? Зачем ей учить английский, если её будущее – конбины, кухня фастфуда или, в лучшем случае, кассир в супермаркете? Она не хотела быть одной из тех, кто пытается и проваливается. Она хотела быть с теми, кто сдался раньше, потому что это было проще.

К восьмому классу она уже не старалась. Она сидела на задней парте, курила на переменах, говорила с Кэнтон и Миной, мечтала о том, чтобы выиграть в лотерею. Иногда она брала у одноклассников карты и пыталась научиться блефовать. Она проигрывала. Но это было весело.

На родительских собраниях учительница говорила отцу: «Янико способная, но она не прикладывает усилий. Она может лучше». Отец слушал и кивал, а потом шёл домой и пытался поговорить с дочерью.

– Янико, – сказал он однажды. – Я не требую от тебя быть отличницей. Но ты могла бы хотя бы... стараться. Пожалуйста.

– Пап, зачем? – спросила она, не отрываясь от телефона. – Никто нас не возьмёт на нормальную работу. Мы – кошколюди. Ты сам знаешь.

Он хотел возразить, но не нашёл слов. Он опустил глаза и вышел из комнаты. Янико слышала, как он вздыхает в коридоре, как мать что-то говорит ему, а он отвечает: «Всё хорошо». Но ничего не было хорошо. И в глубине души Янико это знала.

Имоко была другой. Она училась хорошо, потому что умела прятать свои уши и притворяться «нормальной». Она находила учителей, которые брали взятки поменьше, и договаривалась с ними. Она выбивалась из грязи, но не через учёбу, а через хитрость. Янико завидовала ей. Но в то же время она презирала её.

– Ты – такая же, как мы, – сказала она однажды сестре, когда они поссорились из-за телевизора. – Ты носишь парик, чтобы казаться человеком, но у тебя хвост под юбкой. Ты никогда не станешь человеком. Никогда.

Имоко рассмеялась.

– Может быть. Но я попробую. А ты просто сдалась. Ты даже не пытаешься.

И она была права. Янико сдалась. Она сдалась, когда поняла, что даже хорошие оценки не помогут. Она сдалась, когда увидела, как учителя смотрят на кошколюдей с презрением. Она сдалась, когда поняла, что её мать всегда была права: мир устроен так, что для неё нет места, и единственный способ выжить – это притворяться, что тебе всё равно.

На выпускном классе она уже не скрывала, что курит. Она стояла в компании одноклассников, дымила, смеялась, говорила о том, что «идёт в конбини». У неё не было планов, не было надежд. Она просто ждала, когда школа закончится.

Она окончила её кое-как. Её аттестат был с тройками. Учителя поставили ей «удовлетворительно» за то, что она хоть иногда появлялась на уроках. Её последним воспоминанием о школе стало то, как она стояла в коридоре с Кэнттой и Миной, и они обсуждали, что теперь делать.

– Пойдём в казино, – сказал Кэнта. – Там можно подняться. Я знаю человека, который знает человека. Он подскажет, как обыграть автомат.

Янико улыбнулась. Она понимала, что это ложь. Но она кивнула и сказала:

– Давай.

Она не пошла в казино. Она пошла домой, выкурила сигарету на скамейке у подъезда и посмотрела на серое небо. Она не чувствовала горечи. Она не чувствовала вины. Она чувствовала только пустоту. И это было хуже, чем всё остальное. Пустота, которая возникла, когда она перестала верить в то, что может быть по-другому. Она стала такой же, как все в её мире, и это казалось ей правильным.

Она вспомнила слова отца: «Ты можешь быть кем угодно». Она усмехнулась и затушила окурок.

– Нет, пап, – сказала она вслух. – Не могу.

Глава 6

Соседка с ножом

Утро в данчи «Солнечный берег» начиналось не с пения птиц – их здесь не водилось, слишком близко к промзоне и формальдегидному лесу, – а с лязга металла, доносившегося из соседней квартиры. Янико лежала на своём продавленном матрасе, смотрела в потолок и слушала, как соседка с той стороны стены что-то точит. Цок-цок-цок. Методично, с утра пораньше. Кто-то другой мог бы разозлиться, но Янико привыкла. Это был ритуал Якунеко, её утренняя медитация перед тем, как выйти в мир, который её не ждал.

Янико села на кровати, потянулась, и её уши дрогнули, улавливая звуки за стеной. Шаги – лёгкие, уверенные. Скрежет металла о камень. Потом – струя воды, и запах дешёвого мыла поплыл по коридору, просачиваясь сквозь щели в двери. Якунеко вставала рано, даже когда ей не нужно было на работу. Говорила, что привыкла к армейскому расписанию, хотя в армии никогда не служила. Она просто считала, что дисциплина – это единственное, что отличает кошкодевочку с достоинством от кошкодевочки, которая «позволяет себя жрать».

Янико встала, натянула на себя старую футболку и вышла в коридор. Там, у двери соседки, уже стояла миска с водой – Якунеко оставляла её для бродячих кошек, которые иногда забегали во двор. Их тут было немного, но она заботилась о них, как о своей несуществующей семье. Янико усмехнулась – в их мире забота о бездомных кошках была почти революционным актом.

– Яни-тян, ты уже встала? – донёсся голос из-за двери. Голос был низкий, чуть хриплый, с нотками утренней бодрости, которую Янико не разделяла.

– Встала, – ответила она, не повышая голоса.

– Слышу. Ты опять не закрыла окно, и вентиляция гудит. Сквозняк будет. Я же говорила, в этом доме всё связано: если ты открываешь одно окно, у меня в кухне начинается вой.

Янико вздохнула. Это была их постоянная тема – вентиляция, которая не работала как следует, но создавала иллюзию, что в доме есть циркуляция воздуха. Якунеко была единственной, кто замечал такие вещи. Она замечала всё.

Дверь открылась, и на пороге появилась Якунеко. Она была чуть выше Янико, с чёрными, с рыжими кончиками ушами и длинным хвостом, который она всегда носила с гордостью, как знамя. Одежда на ней была простой, но аккуратной: рабочие брюки, куртка с множеством карманов, на поясе – нож в кожаных ножнах. Он был слишком длинным для танто и слишком коротким для вакидзаси, и она называла его просто «нож». Янико знала, что она никогда им не пользуется, но носит как символ. Символ того, что она не просто кошколюдка, не просто работница, а кто-то, кто держит себя в руках.

– Ты опять не спала? – спросила Якунеко, окинув взглядом свою соседку. – Под глазами круги, как у панды. Ты пила?

– Нет, – соврала Янико. Она пила мало, но курила всю ночь и смотрела в стену. Но говорить об этом Якунеко не хотелось. Та считала, что даже если жизнь дрянь, нужно хотя бы выглядеть так, будто ты не в дерьме.

– Ладно, – Якунеко не стала настаивать. – Я на работу. Сегодня меня отправляют в Токийский залив – считать рыбу на разгрузке. Буду стоять с планшетом и записывать, сколько тонн выгрузили. Шесть часов. Ничего сложного. Потом, может быть, забегу в наш «офис».

Она усмехнулась, и в этом смехе было что-то горькое. «Офис» – так она называла маленькую комнатку на первом этаже их данчи, где иногда собирались ребята из якудзы. Там пахло плесенью и сигаретами, и там раз в месяц выдавали мелкие поручения.

– А что за поручение? – спросила Янико.

– Понятия не имею. Может, надо будет кого-то отвезти. Или проследить за кем-то. Или просто быть на связи, если оябун решит, что я ему нужна. – она пожала плечами. – Такие дела.

Янико знала, что Якунеко – почти якудза, но не совсем. В якудзе сейчас было слишком много желающих, и они не могли платить всем. Поэтому Якунеко просто числилась, иногда выполняла поручения, но в основном работала через систему маршандажа – ту самую, что называли «змеиным трудом». Её нанимал подрядчик, который сдавал её напрокат разным компаниям. Сегодня – счёт рыбы, завтра – копка асфальта, послезавтра – мойка посуды в ресторане. Нет гарантий, нет стабильности, только постоянное ощущение, что ты – вещь, которую можно взять и отбросить.

– Как ты это выносишь? – спросила Янико. – Эта неопределённость. Никогда не знаешь, где будешь завтра.

Якунеко улыбнулась, обнажив острые клыки.

– Это лучше, чем быть свободной и голодной. Я знаю, что у меня есть хоть какой-то заработок. И я знаю, что если я проснусь сегодня и меня пошлют на разгрузку, значит, я смогу заплатить за квартиру. А ты, Яни-тян, что ты знаешь о своей жизни? Ты работаешь в конбине, куришь и смотришь в стену. У тебя даже иллюзии свободы нет.

Янико промолчала. Она знала, что Якунеко была права. И в этом была жестокость их мира – даже те, кто жил чуть лучше, смотрели на тех, кто жил хуже, и видели в них напоминание о том, как легко упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.